

зору, виробляти в учнів здатність приймати моральні рішення і здійснювати власний моральний вибір, використовуючи як гіпотетичні, так і конкретні життєві ситуації. Під час обговорення з учнями моральних проблем треба стимулювати їх самостійне критичне мислення, забезпечувати свободу вибору моральних рішень, розвивати повагу до різних, навіть протилежних поглядів. Учителям слід бути толерантними до думок і позицій учнів, відмовитися від практики формального нав'язування власних поглядів та оцінок моральних ситуацій.

У школах потрібно заохочувати учнів до різних видів моральної активності, яка відповідає певним моральним цінностям. Важливою формою в цьому плані є благодійна діяльність: допомога бідним, бездомним, проведення благодійних концертів, лотерей, продаж старих речей, книг, відвідування будинків для престарілих, читання книг літнім людям, допомога в повсякденних справах. У середніх навчальних закладах необхідно всіляко стимулювати допомогу старших учнів школярам молодших класів в оволодінні певними знаннями і вміннями - у вивченні комп'ютера, виконанні домашніх завдань, організації ігор тощо. Отже, дуже настійною є потреба вивчати й аналізувати набуте зарубіжною практикою морально-етичного виховання, порівнювати його з власним педагогічним досвідом й, уникаючи механічного перенесення, використовувати окремі його елементи для потреб вітчизняної педагогіки й школи.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Жуковський В.М. Морально-етичне виховання в історії американської школи. - Острог, 2002. - 428 с.
2. Сухомлинська О.В. Проблеми теорії і практики виховання дітей та мооді в Україні // Педагогіка і психологія. - 1997. - №94. - С.16.
3. McClellan B.E. Schools and the Shaping of Character: Moral Education in America? 1607-Present. - Bloomington: Indiana, 1992. - 135 p.

НАРОД - НОСИТЕЛЬ НРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА

Валеев И.И.

доктор педнаук, проректор по довузовской
подготовке, директор лицея, профессор
кафедры истории и культурологии

Башгосагроуниверситет

Нравственность не привносится в народ наукой или образованной частью общества. Она в известном смысле субстанциональнее науки и образования, коренится глубже, чем логические рассуждения и доводы (то же самое можно сказать об эстетическом чувстве). Закодированное в нашем нравственном чувстве (основе совести) содержание значительно превосходит уровень понимания, достигнутый наукой. Наука мало что еще может объяснить нам по части поведенческих инстинктов животных, человек же во многом остается и, вероятно, останется тайной. И не только потому, что еще недостаточно изучен, исследован, но и потому, что его внутренний мир бесконечен и открыт в будущее. Возможности рационального познания велики, но не безграничны. Принцип рационализма вообще имеет свои пределы. Тип человека-рационалиста не может быть образцом, рационалист убивает, умерщвляет в себе «живую жизнь». Далеко не во всем люди следуют разумным соображениям. Нельзя на рациональных основах строить отношение к земле, к Родине, к матери, вообще к человеку.

«Одна истина свята на земле: материнство, рождающее жизнь, и труд землепашца, вскармливающий ее. Все остальное - вымыслы дармоедов», - к такому выводу приходят солдаты в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка». Много правды в этих словах. Человек, не имеющий ничего святого, - не человек. Он и к матери будет относиться в пределах одного только разума: «Что ж, что мать. Если она того заслуживает, буду уважать. Если же нет, то нет». Стремление освободиться от всяческих табу, от стеснительности и стыдливости, мешающих жить («комплексы»), сорвать покровы с того, что испокон веков считалось запретным (с тайны половой любви), некогда осуждалось с нравственной точки

зрения, но ныне образованные, современные люди знают, что все это одни предрассудки : нужно держаться разумной целесообразности, пользы, выгоды. Рыночные отношения простираются далеко за сферы экономики.

Нельзя сказать, что мораль, нравственность определяли жизнь людей, были действительно регуляторами их взаимоотношений. Для регуляции всегда требовались более жесткие способы воздействия - закон, обычай. Но сила нравственного начала в другом. Это главное измерение человека, это его родовое свойство, отличающее от всех животных. Так между прочим, считал и Дарвин, доказывающий происхождение человека от обезьяны...

Носителем нравственного начала является народ. В России до недавнего прошлого это было крестьянство, составляющее большинство населения. Сравнивая образованную часть общества с крестьянством Ф.М.Достоевский отдавал полное предпочтение крестьянам в нравственном отношении. И не потому, что в жизни крестьян меньше пороков, грязи, безобразий, а потому, что народ при всем при этом не потерял способности различия добра и зла. Он не назовет дурное хорошим. Поэтому задача состоит не в том, что бы поднять народ до уровня интеллигенции, а напротив, образованному слою общества преклониться перед народной правдой. Этой же точки зрения придерживались и Пушкин, и Гоголь, и Толстой, и Федоров... Их творчество было выражением внутренней культуры народа. Музыку создает народ, мы ее лишь аранжируем, - эти слова справедливы и в отношении всего так называемого профессионального искусства. Так же дело обстоит и с нравственностью.

Деревня, крестьянство - колыбель, основа основ нашей культуры, «Шалунишками» называл Достоевский тех журналистов, которые выдвигали задачу после реформы 1861 года, «научить народ правам и обязанностям». Лев Толстой заметил как-то по поводу того, что его называют великим: ничего великого во мне нет, но если что и есть, то это то, что я стараюсь думать и говорить, как простой русский мужик.

Большинство людей, в особенности в политизированном и находящемся в кризисном состоянии обществе, выход видят в приходе к власти разумных политиков, которые будут думать прежде всего об общем благе и проведут нужные преобразования. Такие надежды стары как мир, было время их проверить Правители, желавшие быть благодетелями для своего народа, конечно бывало, совершали нередко крутые преобразования, заботились о благосостоянии людей и т.д.. Но в этих расчетах на хорошего пана вопрос: что и как нужно делать правителям и подданным для устройства нормального и справедливого общества? Обычно считают: правители и найдут этот путь, опираясь на мировой опыт и на научные Исследования. Реформаторы и революционеры, в свою очередь уверены в том, что они знают, какие экономические и политические преобразования нужно провести, чтобы достигнуть всеми желаемых результатов.

Исторический опыт показывает, что ошибаются и те и другие. Самоубежденности в том, что такой -то комплекс мероприятий, реформ нужно осуществить, не выдерживает практической проверки.. Дело не в экономических, политических, правовых преобразованиях. Самые, казалось бы, разумные шаги не достигают цели. Причина-в оторванности от земли, от народа. Благих намерений недостаточно, отправной точкой должно быть нравственное согласие народа.

Более ста лет назад либеральный профессор А.Д.Градовский упрекал Ф.М.Достоевского по поводу его «Пушкинской речи» в том, что его мощная проповедь личной нравственности не отвечает на главный вопрос об идеалах общественных. По его мнению, общественное совершенствование не может быть достигнуто только через улучшение лучших качеств: необходимо совершенствование общественных учреждений, которые и воспитывают в человеке если не христианские, то гражданские доблести. «Здесь, на наш взгляд , - самый главный, вековечный путь разногласий. Нужны политические, экономические , правовые реформы, только тогда общество изменится к лучшему», - говорят одни. Величайшие же мыслители с древнейших времен говорили другое: необходимо вначале установить высшие нравственные ориентиры, необходимы духовно-нравственные предпосылки, опираясь на которые можно сдвинуть дело. Достоевский спрашивает:

«Откуда же... взяться идеалу гражданского устройства в обществе человеческом? А следите исторически, и тотчас увидите, из чего он берется. Увидите, что он единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц, с него и начинается, и что было так спокон века и пребудет во веки веков. При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. И как только после времен и веков (потому что тут тоже свой закон, нам неведомый) начинал расшатываться и ослабевать в данной национальности ее идеал духовный, так тотчас же начинала падать и национальность, а вместе падал и весь ее гражданский устав, и померкали все те гражданские идеалы, которые успевали в ней сложиться. Стало быть, гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с нравственными, а главное то, что, несомненно, из них только одних и выйдут. Сами же по себе никогда не являются, ибо, являясь имеют лишь только утоление нравственного стремления данной национальности... Когда же утрачивается в национальности потребность общего единичного самосовершенствования в том духе, который зародил ее, тогда постепенно исчезают все «гражданские учреждения», ибо ничего больше охранять». По Достоевскому, суть дела сводится к следующему: должна быть в народе великая идея (не формулируемая, не сознаваемая, не головная, не научная - идея высшей правды, правильного пути жизни). Только из этой идеи вырастает великое дело, дело объединяющее, - «общее дело». И только в работе по осуществлению этой идеи, в общем деле может развиваться нравственность. Иначе ей, нравственности, не на чем держаться. Иначе будут только благие порывы и благие намерения, Великая же идея не придумывается и не привносится в народ. Народ может носить ее, а может и потерять. Потеряв, превращается в «этнографический материал».

Единственно правильный путь и выход из кризисов лежат, следовательно, не в той или иной концепции политической или экономической реформы, а в следовании в народе заключающему чувству правды. На этом пути возможны нравственное согласие и «общее дело». На корысти нормального общества не построишь. Более того, не разрешишь и экономических проблем.

Что же нужно? Не просто учет, а опора на народное нравственно-психологическое начало является главным условием успешных преобразований, необходимость которых сознается большинством. Нравственность не нужно противопоставлять практической деятельности как некое идеальное начало или прекраснодушные мечтания. Нравственность как раз и требует преобразований и реформ, исходя, однако, не из таких идей, как «рынок», «права человека», но из представлений о должном образе жизни в общественном устройстве. Экономика, право, политические институты, выступают здесь не как цель, а как средство обеспечения высших целей. Конечно, объединить все общество при нынешних условиях невозможно. Но согласие в наиболее важном возможно и необходимо. Существует старый христианский принцип: в главном - единство, в неглавном - различие и во всем - любовь.

Генеральный секретарь Международного совета философии и гуманитарных наук при ЮНЕСКО, член Французской академии Жан де Ормессон, обсуждая ход событий в нашей стране в годы перестройки, заметил «Я считаю, что в настоящее время Советский Союз - это центр мира, где решается судьба человечества.. Мы многое сейчас ждем от России. И прежде всего веры... Что мы имеем на западе? Хлеб, вино, возможность путешествовать, пенсионное обеспечение, деньги... Но мы оскудели, разрушились духовно... мы как духовная сущность разрушились, ни во что не верим».

Последующий ход событий не оправдал высказанных надежд, и трудно сказать, что ожидает нас в ближайшем будущем.

Корни кризисов современной «мировой цивилизации» лежат в мировоззренческой сфере: в потере высших ценностей и ориентиров. Более всего человечество нуждается ныне в духовном преобразовании, в «духовной мутации», как выразился Тойнби. Решение глобальных и острейших проблем (экономических, межнациональных, экологических и т.д.) лежит в области решительной ценностной переориентации, в изменении отношения человека к миру, к земле, к труду. Прагматический подход к насущным заботам, как это

обычно и бывает, дает какие-то быстрые улучшения, но в целом оборачивается иллюзией и утопией, в то, что представлялось иллюзией и утопией, - самым практичным и более того единственно возможным способом решения человеческих проблем. Речь идет о спасении, а спасение - категория нравственная. О нем сказано: узок путь, и тесны врата.

ДО ПРОБЛЕМИ ІСТОРІОГРАФІЧНОЇ ДЕЛОКАЛІЗАЦІЇ

Агафонова Н.В.

Сучасний стан вітчизняної історичної науки вимагає всебічної делокалізації. Історики України мають активізувати в своїх дослідженнях процес «вбирання» всесвітнього (і в першу чергу російського) історіографічного доробку з метою подолання проблеми концептуальної невизначеності.

Історична наука заволоділа «почесним місцем» (програма гуманітаризації), але чи достатньо забезпеченим є процес її викладання? Що маємо на практиці? На сьогодні спостерігається колосальна розбіжність між науковими напрацюваннями (спеціальними дослідженнями) і змістом підручника-посередника, який має «донести» знання (дослідження) до об'єкта навчання.

Найбільш «враженим цією хворобою» (розбіжністю) є період княжої доби. Так, процес становлення держави ми безпечно загубили в теоріях («норманська» і «антинорманська») майже не розкривши змісту цих теорій в текстах підручників, не здійснивши найменшої спроби пов'язати цей процес з загальноісторичним контекстом, від якого так залежала процедура державотворення. Складається враження, що історичній науці ніколи не було вигідним знати правду в даній проблемі - з різних причин і обставин. Та все ж був час (до речі, на зорі становлення історичної науки), коли випрацювана М.Ломоносовим «антинорманська теорія» заснування державності (формування держави) була таки вигідною, бо «перегукувалась» з політикою Петра I, який «прорубав» для Росії вікно в Європу через захоплення форпосту на Балтійському морі. Виявляється, при уважному прочитанні доробку М.Ломоносова, що антинорманська теорія за його виконання мала відмінне звучання (в ідейному відношенні) від змодельованої сучасними істориками, укладачами того таки самого підручника-посередника.

М. Ломоносов довів, що руси-неманці і пруси - «єдин народ». Ця єдність сягає давніх часів. Вона стійко утримувалась до XIII ст., бо «... живущие в городах (в містах Пруссії сучасних М.Ломоносову - А.Н.) дворяне и мещане суть приезжие немцы, которые теми землями около тринадцатого столетия завладели по несправедному папскому благословению». М.Ломоносов наводить факта - підтвердження заявленої тези: 1). «снесение домашних наших летописцев подают уже повод думать о единоплеменстве сих двух народов, именем мало между собою рознящихся»: пруси - руси; 2). «Нестор предал на память, что Рурик призван на владение из варягов русов»; 3). «Новгородский летописец производит его от пруссов, в чем многие степенные книги согласуются»; 4). «Из внешних авторов Преторий довольно знает дает свое мнение, совокупляя руссов и пруссов в одно племя»; 5). «Восточное плечо реки Немани, впадающее в Курский залив, называется Руса»; 6). «Сие все еще подкрепляется обычаями древних пруссов, коими сходствуют с варягами (руссами - А.Н.), призванными к нам на владение» [1, с. 10].

Далі М. Ломоносов пояснює природу етноніму «прусси» стверджуючи, що для пояснення його найбільш виправданою є версія про славенське його походження, тобто, «из имени Русь и предлога *no...* для того рассуждаю, что когда Рурик с братьями, со всем родом и с варягами руссами преселился к славянам новгородским, тогда оставшиеся жители после них на прежних своих местах поруссами, или оставшимися по руссах, проименованы» [1, с.14]. Отже, Ломоносовський виклад «антинорманської теорії» проливає світло на природу «прибульців», що активно і безпосередньо вплинули на процес державотворення в IX ст.